

Сплошная экзотика Из новой книги

"Там хорошо, где... Записки бывшего эмигранта"

В самом сомнительном деле единственное средство не ошибиться — это предполагать самый худший конец.

Людовик XIV

...Заманчивое предложение поработать во Вьетнаме директором департамента строительства совместной вьетнамо-украинской компании "NN" (назовем ее так) мне сделал новый начальник тогда еще могучего пароходства в начале 1994 года. В этой должности я должен был помочь вьетнамским товарищам строить светлое будущее в виде глубоководного причала в солнечном Сайгоне.

Предложение действительно выглядело весьма заманчивым — настолько, что я решил из родного одесского порта, в котором проработал на тот момент более тридцати лет, перевестись в пароходство. Довольно быстро выправив все необходимые документы и заключив трехгодичный контракт, я отправился в неведомую мне экзотическую страну, провожаемый добрыми напутствиями начальника пароходства и проклятиями его коллеги из порта: в глазах последнего я выглядел изменником. Ну какая это измена? Вот потом...

Очень скоро я убедился в том, что Вьетнам — не то место на нашей планете, где может жить европеец. Не случайно во времена, когда это была французская колония, из метрополии приезжали сюда только в двух случаях: или приговоренные на ссылку судом, либо безнадежные люмпены, которым во Франции, кроме тюрьмы, ничего не светило. А ведь Анатолий Александрович Лобенко, много лет проработавший главным врачом больницы моряков, меня по-товарищески предупреждал...

Во-первых, ужасающий климат: тропические ливни ("сезон дождей"), а полгода изнуряющая, без капли дождя, жара. Во-вторых, наличие каких-то смертоносных бактерий — в водопроводной воде, в почве (а значит, во фруктах и овощах), в мясе животных... Во всем! Местному населению, прошедшему многовековую адаптацию, на эти "во-первых" и "во-вторых" было в высшей степени наплевать, а вот нашему брату европейцу... Кроме того, над вьетнамской природой весьма старательно потрудились американцы во время Вьетнамской войны, обильно поливая почву дефолианта-

ми и напалмом. Война закончилась более 30 лет назад, а вьетнамские женщины по сей день продолжают рожать страшных калек.

Думаю, читатель понял, в каком "раю" оказался его автор. И не могу еще раз не вспомнить со словами благодарности мудрого А.А. Лобенко, который, почувствовав, что жажда странствий влечет меня в неведомые дали настолько, что отговорить от этой затеи невозможно, набрался терпения и дал сидевшему перед ним упрямцу несколько практических советов. То, что я вернулся "целым и невредимым" (тьфу-тьфу-тьфу), в отличие от многих наших специалистов, серьезно подорвавших там свое здоровье, — безусловно, его заслуга. Я уже не говорю о большом количестве совсем молодых наших специалистов, вернувшихся домой умирать... Не могу еще раз не подивиться бесшабашности земляков, которые, даже видя, как вокруг заболевают их коллеги, упорно стремятся во что бы то ни стало продлить контракт — "авось меня пронесет!".

Попробуйте предложить длительный контракт в такое опасное место американцу или французу — да ни за какие деньги!.. Вспоминал я не раз и начальника порта, не преминувшего задать мне на прощание вопрос, на который я и сегодня ответа не нахожу: "Если твой благодетель так хорошо к тебе относится, то почему он тебя не направил на Кипр или в другое место, где работают избранные спецы из пароходства, а именно в это Богом забытое место?!"...

Конечно, благотворную роль сыграло и мое относительно недолгое (менее года) пребывание в этой стране, а ведь контракт я подписал на целых три года! Но обо всем по порядку. Компания "NN", в которой мне предстояло трудиться, разместилась в центре Хошимина (прежнее название — Сайгон). Это самый крупный город Вьетнама, торговый и финансовый центр, морской порт. В нем находится большое количество банков, импортно-экспортных фирм, предприятий со 100% иностранным капиталом и множество совместных предприятий.

Одна из главных особенностей: этот 7-миллионный город не имеет не только канализационных очистных сооружений, но и централизованного стока фекальных вод, которые отдельными ручейками сбегают в крупнейшую реку Сайгон, вдоль которой на 100 километров растянулся город. В дешевых ресторанчиках для местного простого люда, которых в Хошимине великое множество, кормят рыбой, вылавливаемой, в основном, в этой бурого цвета реке. Кроме того, успехом здесь пользуются и так называемые морепродукты, значительная часть которых (в частности, креветки) выращивается в питомниках, расположенных в прибрежных водах.

Иностранцы и местная знать снабжаются в супермаркетах и питаются в ресторанах, куда продукты завозятся из Франции, Японии, Китая...

Прилетел я в Сайгон (труднопроизносимое "Хошимин" употребляется здесь крайне редко) вместе с моим давним другом, который тоже получил направление в "NN". Разместились мы в "доме советских специалистов", как называлось по старой памяти 4-этажное здание, в котором еще с советских времен селились приезжавшие сюда на работу инженеры из Москвы и Ташкента, Одессы и Свердловска... На первом этаже в довольно просторном холле стояло несколько столиков: предприимчивые портье (вьетнамцы, конечно), которые несли у входа посуточные вахты, устроили мини-ресторан, где постояльцы могли в любое время суток полакомиться мороженым, купить хлеб, печенье, прочие мелочи и, главное, довольно качественное пиво "Tiger". Замечу, что это пиво — единственный продукт местного производства — я употреблял без боязни, и вот почему.

Старожилы рассказали, что когда некая французская компания предложила построить в Сайгоне автоматизированную линию по производству пива, местные власти с радостью приняли предложение французов: условия контракта были сказочно выгодны. За несколько месяцев линия была смонтирована, прошла испытания, после чего состоялось ее торжественное открытие, на котором только что родившееся пиво лилось рекой. Состоялись взаиморасчеты, и французские специалисты, проводившие шеф-монтаж, укатили в свою Францию. Но через некоторое время линия внезапно остановилась. Все усилия местных умельцев ни к чему не привели, и во Францию была отправлена рекламация. Появившийся через некоторое время французский наладчик после короткого обследования замершей линии невозмутимо произнес: "А как она может работать на вашей воде?! Нет, эта высокотехнологичная линия работает исключительно на специально подготовленной и запатентованной во Франции воде. Так что, уважаемые коллеги, срочно заключайте контракт на ее поставку...". С тем и уехал. Ошеломленные хозяева остановившегося производства, кость на чем свет стоит коварных французов, срочно заключили контракт, соответственно подняв продажную цену на продукт. И ничего страшного: пиво действительно производится качественное и пользуется большим спросом у среднего класса...

Дней через десять после прибытия мы с Олегом (так зовут прилетевшего со мной сослуживца) отправились на находившийся совсем рядом с нашим домом центральный рынок Бен Тхань (Ben Thanh). Было воскресенье, и, казалось, все население многомиллионного города, несмотря на душающую жару, устремилось сюда. Я шел просто на прогулку, Олег —

с желанием отовариться. Все мои уговоры со ссылками на академика Лобенко были встречены моим другом со снисходительной усмешкой и никакого впечатления на него не произвели.

— Толян, — сказал он мне, положив руку на плечо, — Толян, я несколько лет назад заходил на нашем судне в эти края. Мы покупали на рынке и овощи, и фрукты, и, как видишь, я живой. Не хочешь — не покупай, а я куплю, что мне понравится...

И купил-таки! Сначала — несколько огромных ярко-красных помидоров, один вид которых мгновенно вызвал у меня обильное слюновыделение, потом — не менее аппетитно выглядевшие огурцы, несколько плодов манго, свежайшую зелень... Я уныло наблюдал, как пополняется его хозяйственная сумка, но стойко держался. Мой холодильник был заполнен экологически чистыми продуктами из французского супермаркета: консервированные немецкие копченые сосиски, французские яйца, сыр, колбасы, марокканские сардины и внушительный ассортимент французских соков: апельсиновый, томатный, грейпфрутовый, манго... И все бы ничего, но так захотелось впиться зубами в сочный помидор! Поэтому для себя я твердо решил: на подобные базарные экскурсии я больше не хожу. Забегая вперед, отмечу: за все время пребывания во Вьетнаме я ни разу не попробовал "живые" помидор или апельсин, довольствуясь исключительно консервированными соками. И слава Богу!.. Кстати, я много чего ни разу не сделал за тот период, например, ни разу не открыл дверь на балкон, на который свисала шикарная пальмовая ветвь, усыпанная бананами, более того, заклеил все щелочки скотчем. Почему? А потому что на этой самой ветке свил гнездо гигантский паук, один вид которого вызывал у меня ужас и отвращение...

...По возвращении с базара мы зашли к Олегу, который тут же демонстративно обмыл помидор кипяченой водой из чайника (хорошо еще, что не из крана!) и с аппетитом, слегка повизгивая от удовольствия, быстренько его слопал. Я выдержал и это испытание. Мы немного поболтали, причем говорил больше Олег, дружески, хоть и довольно ехидно, посмеиваясь над моим болезненным, как он выразился, недоверием к местным дарам природы. Потом я ушел к себе, включил телевизор и нашел какой-то российский канал (на крыше у нас стояла "тарелка"). Было часов шесть вечера, а за окном стояла настоящая тропическая ночь. Под прочувственное пение Аллы (тогда еще не Борисовны) Пугачевой и легкий рокот кондиционера я собрал себе нехитрую еду, поужинал и задремал на диване. Из дремы меня вывел настойчивый телефонный звонок. Это звонил Олег.

— Старик, я, кажется, отравился, — виновато произнес он. — У тебя ведь есть какие-то лекарства?

— Сейчас приду, — ответил я, не в силах погасить в голосе легкое злодство, — только помидоры пока больше не ешь, ограничишься огурцами...

Конечно, знай я в этот момент, насколько серьезно обстоит дело, свои дурацкие шутки оставил бы на более подходящее время... А Олега я застал в туалетной комнате, довольно интенсивно совершавшего циклические рейсы, которые его порядком изнурили, между умывальником и унитазом. Упуская ненужные подробности, скажу только, что строго соблюдая полученные в Одессе инструкции, курсом припасенных антибиотиков я вылечил этого поклонника продуктов местного сельского хозяйства. Через какие-то четыре дня мой друг и сослуживец уже без видимой опасности удалялся от санузла на расстояние двух и более метров...

Признаюсь, бывали случаи, когда халатное отношение к собственному здоровью не приводило сразу же к серьезным последствиям, это уж как кому повезет. Помню смешную историю, произошедшую с прибывшим во Вьетнам (тоже по контракту) механиком из Питера. Прилетел он в пятницу вечером, разместился в нашем "советском" доме, по телефону доложил своему руководству, что с понедельника готов приступить к работе. Руководство обрадовалось и пообещало механику в понедельник утром прислать за ним машину, которая отвезет новичка в офис. Механик был, видимо, человек не слишком общительный, к тому же, у него с собой было, поэтому субботу и воскресенье он провел в своей новой квартире в полном одиночестве. В понедельник утром, как и было договорено, к нему в дверь позвонил его будущий сослуживец, житель Херсона, с которым механик должен был отправиться на работу.

— Одну минуту, — хрипло произнес механик, — сейчас поедем, только воды попью: после вчерашнего трубы горят — спасу нет!..

С этими словами на глазах потерявшего дар речи херсонца он подставляет под кран кружку и мигом опустошает ее под приветственный клекот заждавшегося влаги собственного организма.

— Ти що — з глузду з'їхав?! — неожиданно для себя перешел на родной язык совершенно ошалевший житель Херсона. — Ты с ума сошел — пьешь во Вьетнаме сырую воду?!

— А чего? Пью себе уже третий день, — невозмутимо отвечает механик. — А что — нельзя?..

Его, бедолагу, ведь никто не предупредил, не проинструктировал, вот он и заливал пожар организма водопроводной водой из реки Сайгон... И,

представьте себе, хоть бы что! Обошлось!.. Да этой водой, если хотите знать, я и зубы не чистил, а после приема душа (делать это приходилось несколько раз в течение дня) все "ответственные места" промывал легким раствором марганцовки, которая у меня всегда стояла в тазике в ванной комнате и стимулировала заходивших коллег на юмористические эзерсисы по поводу моей осторожности. Ну, и кто оказался прав?..

Честно говоря, мой организм все же подвергся как-то очень серьезному испытанию. Выйдя однажды днем из офиса, чтобы купить сигареты, по дороге к табачному киоску я обнаружил небольшую пивнушку, в которой над баром висели, как мне показалось, вяленые тушки тарани. Из бара доносился многоголосый гвалт пивших пиво посетителей. (Местные жители пьют пиво со льдом: наливают четверть кружки неохлажденного пива, оставшееся пространство заполняя льдом. Замечательный напиток! А шум поднимают, как наши докеры, после того как оприходуют, по меньшей мере, по бутылке водки на брата.) Войдя внутрь, я понял, что ошибся, приняв висевших вяленых кальмаров за обожаемую мною тарань. Захотелось попробовать. Я заказал у бармена кружку охлажденного "Tiger" и порцию кальмаров. Понравилось! Рассказал сослуживцам, после чего мы несколько раз заходили в эту пивнушку попить пива и полакомиться вяленым кальмаром. Но через несколько дней совершенно случайно мы подошли к заведению с другой стороны, как бы с тыла, и увидели сам процесс вяления кальмаров. Зрелище, как говорится, не для слабонервных!.. На довольно широкую пешеходную дорожку, занимая по ширине приблизительно половину ее, под палящие лучи тропического солнца без всякой подстилки выкладываются тушки кальмаров. Идущие по дорожке трудящиеся дисциплинированно кальмаров обходят. Через некоторое время завяленные с одной стороны тушки собирают (трудящиеся, естественно, тут же пошли по всей ширине дорожки), после чего опять раскладывают, подставляя под солнце тушки другой, не завяленной, стороной. Понимаете, на то место, где только что массово ступала нога человека, прямо "на палубу", раскладывают морепродукты, которые нам через пять минут подадут на стол, и мы их будем с аппетитом есть, запивая пивом! Какой кошмар!.. Так — быстро и печально — закончилась это кальмарное блаженство...

* * *

...Чинопочитание у вьетнамцев — тема особая. В первый же день, войдя утром в свой кабинет, я обнаружил у себя на столе огромное количество пришедших по почте документов, как оказалось — все, что пришло

в "NN". Я понял, что курьер ошибся, отобрал несколько писем, которые имели отношение ко мне, а остальные отнес в приемную. Но на следующий день произошло то же самое — опять у меня на столе оказалась вся почта компании. Когда я рассказал об этом президенту "NN", он долго смеялся.

— Видите ли, Анатолий, — сквозь смех сказал руководитель фирмы, — этим они показывают свое особое уважение к вам, зная, что вы — человек начальника пароходства.

— Во-первых, я вовсе не человек начальника пароходства, а во-вторых, даже если и так, — откуда это знать местному курьеру?

— Э-э, не скажите, их "почта" работает намного оперативнее нашей. Все, что происходит в пароходстве, сразу же становится известным во Вьетнамском консульстве в Одессе. Видимо, кто-то из работников ЧМП находится у них на зарплате. Из консульства информация оперативно приходит в Сайгон. А мы здесь сразу же ощущаем на отношении к себе любые серьезные изменения, происходящие там. Да вы скоро сами во всем убедитесь!

Вы знаете, как в воду глядел! Время-то было веселое, 1994 год на дворе, не соскучишься. Прихожу как-то на работу, а на моем столе вообще никакой почты нет. Пошел в приемную, отобрал свои бумаги, а вечером президенту компании поступила телефонограмма из Одессы о снятии с занимаемой должности начальника пароходства. Вот так!

Проходит дня два-три, и на моем столе утром — вся служебная почта. Что случилось?! А вот случилось — вечером узнаем, что приказом министра начальник ЧМП в должности восстановлен! И эта подковерная пароходская борьба продолжалась, пока не завели уголовное дело и окончательно не отстранили беднягу начальника. И здесь начали происходить события поинтереснее курьерских "игрищ"...

Несмотря на то, что на тот момент Украина уже несколько лет считалась независимым демократическим государством, она продолжала жить по советским понятиям, ничего общего с законностью не имеющих. Каждый новый начальник, в первую очередь, обязательно избавлялся от людей, которые имели хоть какое-то отношение к его предшественнику. Все это с полной мерой относится и к ЧМП. Прошло совсем немного времени с момента вступления бывшего заместителя начальника, явно подставившего своего шефа, в должность руководителя пароходства, как мне позвонила из Одессы жена (она работала тогда в той же конторе), сообщив радостную (заметьте — без кавычек!) весть: согласно договоренности между новым руководством ЧМП и компанией "NN", меня снимают с работы и отправляют в Одессу. Новость эта меня несказанно обрадовала: скоро я смо-

гу покинуть эту страну и вернуться домой. Только об этом я и мечтал. Сам-то я не мог поднимать вопрос о своем увольнении, потому что, согласно контракту, должен был бы выплатить большую неустойку, а по инициативе предприятия — совсем другое дело! Я так обрадовался, что даже не возмутился (только слегка подивился) явно восточному вероломству русского президента "NN", который за моей спиной решал мою судьбу, даже не намекнув, что меня увольняют. А сам цеплялся за эту заграничную командировку руками и ногами! Он ведь не знал о моем желании уехать, а до смены власти в пароходстве усиленно проявлял ко мне самые дружеские чувства...

Вечером в своей квартире я на радостях "накрыл поляну", пригласив нескольких наиболее мне симпатичных сослуживцев, а утром как ни в чем не бывало отправился на службу. Ожидать пришлось недолго: меня сразу вызвали в кабинет президента компании, где кроме хозяина кабинета находился и вице-президент, вьетнамец. Лица их выражали если не скорбь, то, во всяком случае, глубокое сочувствие.

— Видите ли, Анатолий, — начал президент, — у нас очень неприятная новость...

— Неприятная для вас или для меня? — включился я в игру.

— К сожалению, для вас, — печально произнес хозяин кабинета.

— И, наплимел, для нас тоже, — мгновенно нашелся дипломат вьетнамец (он прекрасно изъяснялся по-русски, но часто в разговоре применял к месту и не к месту слово-паразит "например", произнося его таким оригинальным образом). — Конечно, наплимел, и для нас.

— Так что же случилось? — я изобразил на лице тревогу.

— Мы только что получили приказ из пароходства ("Врешь, — подумал я, — вчера получили и уже обсудили, как себя вести".) о вашем увольнении и направлении в Одессу, в распоряжение отдела кадров ЧМП, — скорбно потупил голову президент.

— Ну что ж, в Одессу — так в Одессу, — печально вздохнул я, — только вы так не расстраивайтесь! С какого числа я уволен?

— Мистел Анатолий, — с явным облегчением заговорил вице-президент, — мы вас не толопим, можете еще палу недель полаботать...

— А чего тянуть кошку за хвост? Увольняться — так увольняться! И настроение у меня уже нерабочее...

— Так можно издать приказ сегодняшним числом? — осторожно спросил президент, обменявшись с вьетнамцем быстрым взглядом.

— Конечно! — бодро произнес я. — Только чтоб сразу и расчет подготовили, попробую завтра же улететь в Одессу.

— Через час все будет готово! — у моих начальников как гора с плеч свалилась. Они-то, бедняги, думали, что я начну о чем-то просить, и им придется мне отказывать, а получилось все так легко и просто!..

— Так я уже сегодня работать не пойду, пойду пива попью. Вы не возражаете?

— Конечно, о чем разговор?! — затараторили мои экс-начальники в один голос. — Отдыхайте, а мы сегодня вас все равно протабелируем!..

Выходя из кабинета, я слышал, как президент по внутренней связи вызывает бухгалтера. Ведь все надо сделать быстро, а то, не дай Бог, он (то есть я) еще передумает! "Давайте, ребята, спешите, — подумал я, — вы еще не знаете, какой сюрприз подготовлен и для вас" ...

Часа через полтора я застал в кабинете президента всех главных действующих лиц: кроме руководства там были бухгалтер и юрист-консульт компании. Последний довольно торжественно протянул мне несколько экземпляров уже подписанного свежего приказа, который я подписал тоже, один экземпляр оставив себе, а бухгалтер вручил мне конверт с деньгами. Приказ, не читая, я положил в кейс, а вот к конверту отнесся более внимательно, тщательно пересчитав деньги.

— А почему так мало? Здесь не хватает "главных" денег! — я вопросительно посмотрел на президента.

— Каких это "главных"? Вам заплатили за отработанные дни и неиспользованный отпуск. Вы что имеете в виду? — удивился он.

— А я то имею в виду, что вы, в отличие от меня, очевидно, не очень внимательно прочитали устав нашего предприятия, — я не скрывал уже своего злорадства. — Достаточно вероломно поступив со мной, вы не учли важную деталь. Согласно уставу, вы должны были предупредить меня за месяц об увольнении. В противном случае мне полагается неустойка в размере трехмесячной заработной платы. Вот это и есть "главные" деньги, которых я не обнаружил в конверте.

Настушила гнетущая тишина. Я уселся в кресло и наблюдал, как эти ребята в полном замешательстве переглядываются, лихорадочно ища выход. Первым нашелся президент.

— Анатолий, мы поступим иначе: сейчас перепишем приказ об увольнении вас через месяц, а вы этот месяц спокойно поработаете...

— И это мне предлагается после того, как час назад вы чуть в пляс не пустились, чувствуя, что легко от меня избавились, да еще и облапошили при этом на довольно приличные бабки?! Нет уж, меня вполне устраивает этот приказ, — я красноречиво похлопал рукой по кейсу. — Так что, госпо-

да начальники, раскошелитесь по-хорошему, потому что через суд будет дороже!

В общем, обошлось без суда...

...Когда я с чемоданами сидел в холле "дома советских специалистов" в ожидании вызванного такси, которое повезет меня в аэропорт, ко мне, заговорщицки оглядываясь, подошел дежурящий в доме сменный портье. По наивности я полагал, что с этими представителями местной власти у меня сложились просто дружественные отношения: я всегда оставлял им чаевые, пользуясь услугами "мини-маркета", и частенько покупал мороженое их детям, которые приходили вместе с отцами на дежурство. Оказалось — все значительно сложнее...

— Анатолий, у меня для вас есть маленький сюрприз, — тихо произнес этот вьетнамец, к моему великому изумлению, на чистом русском языке: до этого он изъяснялся с нами только с помощью жестов и отдельных английских слов. Как бы не замечая моего замешательства, он добавил: — Только если об этом узнает мое руководство, у меня будут неприятности — я лишусь работы.

Я понимающе кивнул, хоть, честно говоря, ничего не понимал. Больше не говоря ни слова, он вынул из кармана совсем небольшой сверток — конверт, оклеенный скотчем, и, протянув его мне, удалился в свою каптерку. О свертке в первый раз я вспомнил только в самолете. Разорвав конверт, я обнаружил в нем обычную аудиокассету. "Очевидно, местные фольклорные песни, — подумал я, положил кассету в кейс и надолго о ней забыл, наверно, месяца на три-четыре. А когда вспомнил — во второй раз, — то решил ее прослушать. Прослушал и... обалдел! В лучших традициях КГБ на кассете были фрагментарно записаны все (или почти все) мои международные телефонные разговоры — с Одессой (с моей женой и чиновниками ЧМП), с Нью-Йорком, где в это время училась моя дочь Катя и жило большое количество друзей... Даже мой очень прямой и не очень цензурный ответ на провокационный вопрос приятеля из Нью-Йорка, как мне живется во Вьетнаме, — и это оказалось на кассете. Выходило, что все прожитое мной время в этой неординарной стране я находился под колпаком местных спецслужб! Но неужели они с первых разговоров не поняли, что кроме профессионального мата (школа-то какая: сначала — "Канава"*, где прошли мои счастливые детские и юношеские годы, потом — долгие годы работы в порту), кроме него они ничего ценного не услышат?!

...А из Вьетнама я улетал в хорошем настроении: меня ждала моя Одесса!..

* Припортовый район Одессы.